

Глава I

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

— Я склонен думать... — начал я.

— Это похвально, — нетерпеливо бросил Шерлок Холмс.

Кротости и терпения мне не занимать, но, признаюсь, это язвительное замечание меня задело.

— Ей-богу, Холмс, — отозвался я сердито, — временами вы бываете просто невыносимы.

Холмс был слишком занят собственными мыслями, чтобы тут же ответить на мой упрек. Не обращая внимания на стоявший перед ним нетронутый завтрак, он упер подбородок в ладонь и принялся рассматривать листок бумаги, который только что вынул из конверта. Потом взял сам конверт, поднес к свету и тщательно изучил как наружную сторону, так и отворот.

— Почерк Порлока, — задумчиво протянул он. — Почти не сомневаюсь, хотя видел его только дважды. Греческое «е» с особой завитушкой наверху не оставляет сомнений. Но если это Порлок, значит речь идет о чем-то чрезвычайно важном.

Холмс обращался скорее к себе, чем ко мне, однако его слова настолько меня заинтересовали, что я забыл о своем раздражении.

— Кто такой этот Порлок? — спросил я.

— Порлок, Ватсон, это *nom-de-plume*¹, простое обозначение, но за ним стоит загадочная личность. В предыдущем письме он откровенно признался, что имя вымышленное, и утверждал хвастливо, будто мне ни за что не найти его среди миллионного населения Лондона. Порлок важен не сам по себе, а тем, что связан с одной крупной фигурой. Представьте себе рыба-лоцмана рядом с акулой, шакала рядом со львом — что-то мелкое рядом с чем-то грозным. Не просто грозным, Ватсон, но

¹ Псевдоним (*фр.*).

зловещим, до крайности зловещим. Этим он для меня и значим. Я уже рассказывал вам о профессоре Мориарти?

— Знаменитый преступник и притом большой ученый. Среди мошенников он прославлен так же, как...

— Вы вгоняете меня в краску, Ватсон, — пробормотал Холмс.

— Я собирался сказать: как неизвестен широкой публике.

— Укол засчитан! — воскликнул Холмс. — Вы делаетесь насмешником, Ватсон, кто бы мог подумать! Мне следует вас остерегаться. Однако ваше заявление, что Мориарти преступник, закон сочтет клеветой — в том-то вся штука! Комбинатор, каких свет не видел, устроитель всех мыслимых злодейств, мозг всего преступного мира, ум, способный возвышать или губить народы, — вот кто он такой! Притом никому не придет в голову ни заподозрить его, ни осудить: Мориарти настолько ловко умеет устраиваться и уходить от ответственности, что, обвини вы его публично, он подал бы в суд — и компенсацией за его душевные раны послужила бы ваша годовая пенсия. Ведь он же прославленный автор «Динамики астероида» — книги, воспаряющей к таким высотам чистой математики, что, как говорят, в научной прессе не нашлось критика, способного высказать о ней суждение! Возводить хулу на такого человека? Доктор-клеветник и безвинно опороченный профессор — вот как посмотрела бы на вас публика! Он гений, Ватсон. Но если его подручные до меня не доберутся, будет и на нашей улице праздник.

— Дай мне бог до этого дожить! — искренне воскликнул я. — Но вы говорили о Порлоке.

— Ах да, так называемый Порлок — звено в цепи, у самого ее замка. И, между нами, звено не вполне надежное. Насколько мне удалось выяснить, других слабых звеньев в ней нет.

— Но прочность цепи как раз определяется самым слабым звеном.

— Именно так, дорогой Ватсон! Вот почему Порлок так важен. В его душе дремлют некоторые зачатки добродетели, которые я разумно поощряю, время от времени посылая ему обходными путями десятифунтовые банкноты, за что он раз или два снабжал меня сведениями не просто полезными, а очень полезными: они помогали не раскрыть, а предотвратить преступление. Не сомневаюсь, если бы мы знали шифр, то убедились бы, что и это послание содержит именно такое предупреждение.

Холмс снова расправил листок на своей пустой тарелке. Я встал и через плечо Холмса стал рассматривать необычную записку:

534 K2 13 127 36 31 4 17 21 41
ДАГЛАС 109 293 5 БЕРЛСТОУН
26 37 БЕРЛСТОУН 9 127 171

— Что вы об этом думаете, Холмс?

— Автор явно пытался передать какую-то секретную информацию.

— Но какой смысл в зашифрованном послании, если отсутствует ключ к шифру?

— В данный момент никакого.

— Почему именно в данный момент?

— Потому что многие шифры я разгадываю с такой же легкостью, как подоплеку объявлений в газете; занятие увлекательное и не утомляющее ум. Но тут дело другое. Ясно, что цифрами обозначено расположение нужных слов на странице какой-то книги. Пока мне не скажут, что это за книга и которая страница, я бессилён.

— Но как же Даглас и Берлстоун?

— Очевидно, этих слов на странице не было.

— Почему же он не назвал книгу?

— Ваша природная сообразительность, Ватсон, и врожденное хитроумие, которому не нарадуются ваши друзья, конечно, удержали бы вас от того, чтобы поместить в один конверт и послание, и ключ к шифру. Если письмо попадет не в те руки, вы пропадите. А так беды не случится, разве что будут перехвачены оба письма. Ожидание уже затягивается, и я буду очень удивлен, если со второй почтой не получу конверта с объяснением или же, что еще вероятней, самой книги, нужной для расшифровки.

Не прошло и десяти минут, как предсказание Холмса исполнилось: на пороге появился мальчик-слуга Билли с тем самым письмом.

— Почерк тот же, — заметил Холмс, вскрывая конверт. — Есть даже подпись, — радостно добавил он, когда развернул листок. — Отлично, Ватсон, дело движется.

Просмотрев послание, Холмс, однако, нахмурился.

— Вот досада! Боюсь, Ватсон, наши ожидания не оправдываются. Только бы Порлок остался цел.

«Дорогой мистер Холмс, — гласило письмо, — я ставлю в этом деле точку. Слишком опасно: он меня подозревает. Точно подозревает. Я как раз надписал конверт, чтобы отослать вам ключ к шифру, и тут он явился. Я ухитрился спрятать письмо. Если бы он заметил, мне бы несдобровать. Но у него на лице было написано, что он подозревает. Пожалуйста, сожгите шифровку, теперь она вам не пригодится. Фред Порлок».

Холмс хмуро глядел в огонь, держа в руке письмо.

— В конце концов, — произнес он наконец, — это может ничего не значить. Просто нечистая совесть. Считает себя предателем, вот ему и чудится, будто тот, другой, видит его насквозь.

— Другой — это, надо полагать, профессор Мориарти?

— А как же! Когда слышите от них «он», то можете не сомневаться. «Он» в этой компании только один.

— Но что он может сделать?

— Хм! Выбор широкий. Если на тебя ополчился один из самых мощных умов Европы и за ним стоят все силы тьмы, можешь ожидать чего угодно. Как бы то ни было, мой приятель Порлок явно напуган до полусмерти: будьте любезны, сравните надписи на листке и на конверте. Последняя, по его словам, сделана до прихода зловещего гостя. В одном случае мы видим твердый, разборчивый почерк. В другом — едва понятные каракули.

— Зачем он вообще написал? Мог же молча выйти из игры?

— Опасался, что я стану наводить о нем справки и накличу беду.

— Несомненно, — согласился я. Взяв письмо с необычным шифром, я стал его разглядывать. — Можно с ума сойти: держишь в руках этот листок бумаги и знаешь, что он хранит в себе секрет, разгадать который человеку не под силу.

Шерлок Холмс отодвинул нетронутый завтрак и закурил вонючую трубку — спутницу самых углубленных его размышлений.

— Однако! — Он откинулся на спинку кресла и обратил взгляд к потолку. — А нет ли здесь зацепок, ускользнувших от вашего интеллекта, достойного Макиавелли? Рассмотрим проблему в свете чистого разума. Этот человек отсылает нас к книге. Она и станет нашим отправным пунктом.